Конечно, все это было оплачено Чжу Чэнци. Он отдал их Цяо Нань и сказал, что они сделают ее учебу и повседневную жизнь более удобной.

Сидя в машине, Чжу Баогуо зевнул. "Папа, как ты думаешь, тетушка и ее семья вернулись бы домой, когда мы вернемся?"

"Не обязательно". Ван Ян и Чжу Цинь, возможно, захотят уйти из-за гнева, но Ван Цинлин точно не захочет.

"Это слишком раздражает". Чжу Баогуо поморщился. "Разве они не могут быть более самосознательными как личности? Разве наше отношение не достаточно очевидно?" Если бы не тот факт, что его дедушка все еще был рядом, он бы не хотел пускать семью Ван в дом семьи Чжу. Они были такими бесстыжими.

Он никогда не мог понять, почему семья Ван была такой толстокожей и продолжала родниться с ними после того, как плохой поступок Ван Яна был раскрыт. Они вели себя так, будто отношения были такими же хорошими, как и раньше. Их бесстыдство не поддавалось описанию.

"Самосознание?" Услышав это слово, Чжу Чэнци улыбнулся. "Сказав это, вы показали, что недостаточно зрелы. Перед лицом великих благ достоинство и самосознание поверхностны, как облака. Ван Цинлинь - умный человек. Семья Ван потратила столько усилий, чтобы жениться на твоей тетушке. Прежде чем полностью использовать эти отношения, невозможно, чтобы слово "самосознание" появилось в семье Ван".

Замысел семьи Ван в отношении семьи Чжу был не так прост, и Ван Цинлин вышла замуж за Чжу Циня не только по любви. Чжу Чэнци знал об этом с самого начала.

Тем не менее, он не мог избежать подобной ситуации в такой семье, как его.

Пока семья Ван не перегибала палку, а его сестра Чжу Чэнци была по-настоящему счастлива, Чжу Чэнци никогда не считал, что семья Ван может извлечь из них какую-то выгоду.

Однако если интересы семьи Ван будут отстаиваться путем принесения в жертву его единственного сына, Чжу Чэнци уже не сможет быть таким покладистым, как раньше.

Хотя старейшина Чжу все еще был рядом, Чжу Чэнци уже больше года не показывался на глаза семье Ван.

Время, которое Чжу Чэнци проводил в резиденции Чжу, было уже очень скудным. Раньше Ван Цинлинь мог встретиться с Чжу Чэнци, своим старшим шурином, лишь несколько раз за год. Однако с тех пор, как Ван Ян разоблачил преступление Чжу Баогуо, кормившего его фруктами, подмешанными в снотворное, Ван Цинлинь не видел Чжу Чэнци больше года.

"Фамилия тетушки тоже Чжу. Почему она не может понять? Если семья Чжу плохая, неужели она думает, что семья Ван будет хорошо к ней относиться?" При упоминании Чжу Циня Чжу Баогуо почувствовал себя еще более подавленным.

Чжу Чэнци закрыл глаза. "Фамилия твоей тетушки - Чжу, но муж и сын носят фамилию Ван. У семьи Ван нет возможности уничтожить семью Чжу. Исходя из этого, ваша тетушка, конечно же, предвзято относится к семье Ван".

Действительно, было уже почти девять часов вечера, когда Чжу Чэнци и его сын вернулись в дом семьи Чжу, но семья Ван Цинлинь из трех человек все еще была рядом.

"Старший брат, ты вернулся". Ван Цинлинь, который сидел и ждал весь день, совсем не выглядел несчастным. Наоборот, он очень уважительно относился к Чжу Чэнци.

При виде черного и безответного лица Чжу Циня, Ван Цинлинь потянул Чжу Циня за руку. Чжу Цинь оттолкнула его руку и отказалась говорить. Она была рассержена. Когда она еще была девушкой в семье Чжу, ее брат и отец заботились о ней. Теперь же все они не относились к ней как к члену семьи Чжу.

В первый день лунного Нового года они навестили старейшину Ли в доме семьи Ли. Она не могла ничего сказать по этому поводу, так как старейшина Ли был свекром ее старшего брата.

Но что он имел в виду своими сегодняшними действиями? Семья Цяо и семья Чжу не имели ничего общего друг с другом. Почему старший брат проигнорировал всю ее семью и отправился на встречу с чужаками?

Он даже засиделся и вернулся домой так поздно.

Если бы Цинлин не настаивала, она бы пошла домой.

"Дядя, брат Баогуо". Ван Ян, у которого от сидения весь день затекли ноги, улыбался как цветок при виде этих двоих. "Брат Баогуо, ты так поздно вернулся. Тебе, наверное, холодно. Подойди, сядь и выпей горячего чая, чтобы согреть свое тело".

Ван Цинлинь сдержанно кивнул. Янь Ян действительно был его сыном. Он не был похож на Чжу Циня, который иногда не мог ясно мыслить.

Ван Цинлинь знал, что Чжу Цинь ничего не скрывала, когда была в семье Чжу. Она не боялась, так как ее фамилия была Чжу, и она принадлежала к семье Чжу. Тем не менее, он и его сын носили фамилию Ван и принадлежали к семье Ван.

Семья Чжу определенно терпела бы Чжу Циня, но не его и его сына.

"Брат, я часто слышу от Ван Яна, что Цяо Нань - очень выдающийся ребенок. Если будет возможность, не мог бы ты позволить нам тоже встретиться с ней?" Ван Цинлинь не смутился и даже использовал Цяо Нань как мост. "Ян Ян, этот ребенок послушный, но временами непослушный. Мне нужно найти для него хороший пример и дать ему понять, как ведет себя по-настоящему хороший ребенок".

"Какой хороший ребенок? Неважно, насколько хороша Цяо Нань, она никак не связана с нашей семьей Чжу. Брат, у тебя есть мысли быть добрым к чужим детям, но почему бы тебе не потратить больше усилий на Баогуо и Ян Яна?" Чжу Цинь был недоволен. Ее сын был его биологическим племянником.

Она никогда не видела, чтобы ее брат так хорошо относился к Ян Яну, так как же ребенок другой семьи мог урвать это преимущество? Это было несправедливо.

"Брат, ты стал глупым и неразумным из-за того, что слишком долго оставался в лагере? В твоей собственной семье есть двое детей, которые нуждаются в твоей заботе, а ты так добр к чужаку. О чем ты думаешь?" Чжу Цинь выплеснула все обиды, накопившиеся за последнее время.

В армии мужчины редко встречались с женщинами.

Неужели вода попала в мозги его брата, что дочь другой семьи теперь для него как редкий драгоценный камень?

Позволив Чжу Цинь выплеснуть свое разочарование, Чжу Чэнци спокойно сказал: "У меня только один сын".

"Но Ян Ян также является вашим биологическим племянником".

"Он всего лишь мой племянник, и родители в нем души не чают. Даже если возникнет необходимость, это будет делать не его дядя". В глазах Чжу Чэнци мелькнул огонек. Он взглянул на Ван Цинлиня и Ван Яна.

Пока Чжу Цинь присутствовал, эта пара отца и сына не стала бы больше ничего говорить при нем. В этом случае Чжу Цинь был бы плохим парнем, а Ван Цинлинь и Ван Ян - хорошими. Как он мог не понимать эту двуличную драму? Это было просто отвратительно.

"Пфф..." Услышав это, Чжу Баогуо был так счастлив. Он чуть не рассмеялся вслух и не смог удержаться от странного звука. Это было достаточно неприятно.

Видя, что выражение лица Ван Яна вот-вот изменится, Ван Цинлин схватила Ван Яна за руки. Ван Цинлинь сохранил улыбку на лице. "То, что сказал брат, правильно. У Ян Яна есть дедушка, бабушка, папа и мама, которые заботятся о нем. Ян Ян, у тебя так много людей, которые заботятся о тебе, поэтому ты должен быть еще лучше. Твой дядя и дедушка по материнской линии так хорошо относились к тебе с самого раннего возраста. Ты не должен всех подвести".

"Папа, не волнуйся. Я не подведу. Дядя, когда я читал "Романтику Троецарствия", некоторые моменты мне были непонятны. Могу ли я попросить у вас совета?" Ван Яну удалось подавить приступ гнева.

Ван Цинлинь выглядел уверенным, он скривил губы в улыбке. Затем он посмотрел на Чжу Баогуо и стал ждать, когда тот выйдет из себя.

Чжу Баогуо сильно зевнул и прислонился к дивану. "Ван Ян, ты такой трудолюбивый. Ты ждал до середины ночи, чтобы попросить совета у моего отца. Похоже, мне тоже придется учиться у тебя".

http://tl.rulate.ru/book/25671/2081831